

S T U D I A P H I L O L O G I C A

Г. М. Зельдович

ПРАГМАТИКА
ГРАММАТИКИ

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР
МОСКВА 2012

УДК 80/81
ББК 81
3 48

«Publikacja sfinansowana przez Wydział
Lingwistyki Stosowanej Uniwersytetu Warszawskiego»

«Публикация осуществлена при финансовой поддержке
Факультета прикладной лингвистики Варшавского университета»

Зельдович Г. М.

3 48 Прагматика грамматики. — М.: Языки славянских культур, 2012. — 648 с.

ISBN 978-5-9551-0589-5

Если семантику интересует собственная «сущность» языковых единиц, то прагматика занимается вопросом, как же мы эти единицы реально используем. Использование намного богаче и непредсказуемее, нежели семантический инвариант, и особенно хорошо это видно в грамматике, чьи единицы на первый взгляд необыкновенно многозначны и капризны в своем поведении, однако при более глубоком анализе их семантическое устройство оказывается сравнительно несложным — а реально наблюдаемые капризы их поведения объясняются общими, не специфически грамматическими принципами функционирования языка. Эта книга — о том, как в грамматике взаимодействуют семантика и прагматика, о том, почему грамматика устроена просто, и о том, почему для нас это не всегда очевидно.

ББК 81

*В оформлении переплета использована картина Л. Поповой
«Динамическое построение», 1919 г.*

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ISBN 978-5-9551-0589-5

© Г. М. Зельдович, 2012
© Издательство «Языки славянских культур», 2012

Памяти папы — Моисея Горацевича Зельдовича
Памяти мамы — Галины Васильевны Черемисиной

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>От автора</i>	7
------------------------	---

Часть I. Русский вид: семантика и прагматика

Предисловие	21
<i>Глава 1.</i> Семантика и прагматика совершенного вида	34
<i>Глава 2.</i> Семантика и прагматика несовершенного вида	72
<i>Глава 3.</i> Вид и отрицание, вид и модальность	154
<i>Глава 4.</i> Почему русские глаголы бывают двувидовыми?	195
Заключение	243

Часть II. Залог и диатеза

<i>Глава 1.</i> Синтетический пассив совершенного вида на <i>-ся</i> . Почему его образование так затруднено?	245
<i>Глава 2.</i> Возвратные дативные конструкции типа <i>Не пишется</i> . Случайность или композиционность?	296
<i>Глава 3.</i> Русские активно-безобъектные глаголы. Непродуктивная продуктивность	355
<i>Глава 4.</i> Конструкции с генитивным подлежащим. Прагматический подход	366

Часть III. Русское предикативное имя

Предисловие	443
<i>Глава 1.</i> Краткая форма прилагательного	446
<i>Глава 2.</i> Семантика и прагматика творительного падежа	472
<i>Глава 3.</i> Русское предикативное имя: согласованная форма VS творительный падеж	543
Заключение	596

Часть IV. Грамматика в поэтике

<i>Глава 1.</i> Грамматика поэзии: грамматическая литота Бориса Пастернака	599
<i>Глава 2.</i> Марина Цветаева: эллипсис как средство организации текста	621
<i>Литература</i>	631

ОТ АВТОРА

В эту книгу включены ранее печатавшиеся, но малодоступные работы и работы, нигде не публиковавшиеся.

Когда мы стали искать тот общий знаменатель наших изысканий, который дал бы название книге, он оказался предельно очевидным: это роль прагматики в функционировании граммем. Отсюда отчасти полемический титул: в одной из своих лучших книг, «Семантика грамматики» [Wierzbicka 1988], Анна Вежбицкая показала, что значение грамматической единицы можно описывать в тех же терминах, что и значение лексемы. Мы хотим продемонстрировать, что те же самые прагматические правила, которые специфицируют в тексте значение слова, группы слов и целостного предложения, имеют своей областью действия также и грамматику, причем учет этих правил позволяет дать на первый взгляд разрозненным фактам весьма экономное и единое объяснение.

Говоря о прагматике, мы имеем в виду прежде всего прагматику Пола Грайса, чью основную посылку можно сформулировать следующим образом (среди необозримой литературы см. особенно [Грайс 1985; Horn 1984; Levinson 1983; 2000])¹: пользуясь языком, мы стремимся соблюдать определенные постулаты, если же они явно, демонстративно не соблюдаются, то адресат за самим этим несоблюдением будет усматривать определенный смысл, определенную коммуникативную интенцию.

Для нас будут особенно важны постулат информативности (у П. Грайса — первый постулат количества) и постулат способа.

Постулат информативности предписывает говорящему дать всю релевантную для адресата информацию. Пример: если я говорю, что *Иван может участвовать в выборах*, причем наперед ясно, что адресата и вообще интересуют все гражданские права и обязанности Ивана, то я дал в предложении меньше информации, чем могло бы хотеться адресату, ибо я не сообщил, *должен* ли Иван участвовать в выборах. Если адресат считает, что я соблюдаю правила речевой коммуникации (а по умолчанию это именно так), то он вправе заключить, что либо я не обладаю полной информацией и *не знаю*, должен или не должен Иван участвовать в выборах, либо — и этот вариант по определенным причинам вероятнее — я знаю, что утверждение *Иван должен...* было бы *неправдой*.

¹ У С. Левинсона, Л. Хорна и у других «постграйсовских» прагматиков основные формулировки Грайса подверглись некоторому пересмотру и уточнению. Для наших целей совсем необязательно входить в тонкости, поэтому на *особенностях* работ С. Левинсона и других авторов по сравнению с грайсовскими мы сосредотачиваться не станем.

Поэтому фраза *Иван может участвовать в выборах* с большой вероятностью несет некий дополнительный, не присутствующий в ее семантике, но возникающий прагматическим путем смысл и означает, что Иван *не обязан* участвовать в выборах.

Постулат способа предписывает о том, что совершилось обычным образом, обычным же, конвенциональным способом и сообщать. Пример из [Грайс 1985]: если мисс Х пела «Home sweet home», то идиоматический способ об этом сказать — предложение *Мисс Х пела «Home sweet home»*. Если же кто-то выберет логически эквивалентный, но вопиюще непривычный вариант *Мисс Х испускала последовательность звуков, соответствующую песенке «Home sweet home»*, адресат сделает вывод, что нечто крайне непривычное было в *самом пении* (в конечном счете — что мисс Х пела очень плохо; почему возникает именно этот смысл, а не противоположный, ‘пела хорошо’, здесь несущественно).

Богатую экземплификацию того, как действует постулат способа, можно найти среди разного рода тавтологий и тривиалий (см. подробнее [Levinson 2000]; не по-грайсовски трактуемые, но чрезвычайно богатые иллюстрации есть в [Carston 2002]). Например, чисто логически *долгий-долгий путь* не отличается от просто *долгого пути*, но неэкономный способ сообщения показывает, что путь *необычно* долог. Семантическая информация, заключенная в предложении *Иван есть Иван* или в предложении *Починка сапог займет некоторое время*, не представляет никакой ценности: всякий объект *заведомо* в каком-то смысле равен самому себе, всякая починка *заведомо* имеет протяженность во времени. Обычным способом сообщить имеющуюся тут *нулевую* полезную информацию было бы *молчание*, если же говорящий выбрал способ менее привычный, это подталкивает адресата к поиску дополнительных, не семантических по природе смыслов.

Таким образом, грайсовская прагматика принимает, что в общем случае значение языковой единицы складывается из ее семантики (того, что собственно *сказано*, закодировано и выражается всегда, не будучи отменимым) и порождаемых ею смысловых «добавок», которые называются импликатурами.

Особенно важны следующие свойства импликатур.

Во-первых, импликатуры данной единицы как правило *отменимы*. Например, к потенциально несущему импликатуру ‘Иван не обязан участвовать в выборах’ предложению *Иван может участвовать в выборах* можно добавить оговорку *...и даже обязан*. Фраза *Мисс Х испускала последовательность звуков, соответствующую песенке «Home sweet home»* способна описывать хорошее исполнение, если предположить, что говорящий просто *забыл* слово *пела* или по каким-то иным причинам (допустим, слово *пела* и иные более краткие способы изъяснения в данной ситуации табуированы) *не мог* его употребить.

Правда, встречаются и очень устойчивые импликатуры, например, крайне трудно избавиться от связанного с *долгий-долгий путь* представления о необычной долготе. Тема устойчивых импликатур будет важна для нас позднее, здесь же толь-

ко заметим, что они возникают при совершенно особых и не часто выполняемых условиях, так что этот вариант нужно признать сугубо маркированным².

Во-вторых, импликатура всегда *вычислима*, то есть возникает закономерным путем, благодаря действию вполне определенных и — особенно важно — универсальных механизмов.

Описание языковых единиц, при котором в расчет берется не только семантика, но и импликатуры, обладает огромными преимуществами.

С одной стороны, оно позволяет отразить интуитивную неоднородность значения: есть компоненты значения, которые неотменимы (как, допустим, ‘отсутствие препятствий к совершению данного действия’ в семантике слова *может*), и есть компоненты, от которых легко избавиться (‘не должен’; см. выше).

Правда, в первую категорию попадут не только собственно семантические смыслы, но и сильные импликатуры, однако, учитывая редкость и маркированность последних, эвристическая ценность этого обобщения все равно остается весьма значительной.

С другой стороны, опирающееся на прагматику описание языковых единиц чрезвычайно экономно.

Известно, что одно и то же слово в разных контекстах может иметь разные значения. Попытка отразить этот факт в сугубо семантических терминах сплошь и рядом ведет к такому умножению сущностей, которое не приемлемо ни интуитивно (ибо как правило разрушает несомненную целостность слова), ни перед лицом того обстоятельства, что в разных языках соответствующие слова часто ведут себя очень похожим образом.

Так, из приводившихся примеров видно, что слово *может* способно значить ‘может, но не должен’ и способно (в контексте *может и должен*) значить просто ‘может’ (или, если читателю угодно, ‘может и не не должен’). Однако было бы абсурдно придавать этим значениям статус отдельных лексем вокабулы *мочь*.

Вдобавок и поведение иноязычных эквивалентов слова *мочь* примерно такое же, то есть почти всегда (кроме особых случаев, где имеются и совершенно особые дополнительные обстоятельства) если кто-то *может* участвовать в выборах, то такой *обязанности* у него *нет*³. Поскольку в принципе каждый язык в своей

² П. Грайс существование таких импликатур игнорировал (исключение — так называемые конвенциональные импликатуры, которые П. Грайс постулировал как раз для того, чтобы от них как можно скорее *отвлечься*, и теоретический статус которых весьма сомнителен, см. особенно [Vach 1999]). Позднее вопрос о сильных импликатурах обсуждался С. Левинсоном в [Levinson 2000]. Особенно важное место эта проблема занимает в Теории релевантности, см., например, [Carston 2002].

³ По поводу исключений и их особых причин заметим, что в древнем Китае человек, имея право (например — укрыть у себя преследуемого законом родственника), был одновременно *должен* им воспользоваться, а не воспользовавшись, подвергался наказанию. Разумеется, это было сопряжено с совершенно не привычными для нас представлениями о праве.

лексике чрезвычайно идиосинкратичен, «раскраивает» мир своим неповторимым способом, такая регулярность должна получить *специальное* объяснение, которое нельзя дать в рамках семантики и можно — если принять в расчет универсальные прагматические механизмы.

Дадим еще один пример: логическое слово *все*. Хорошо известно, что как правило оно предполагает *реальное существование* соответствующих объектов: применительно к реальному миру недопустимо сказать *Все кентавры отважны*. С другой стороны, есть контексты, где такая презумпция не обязательна, ср. *Все, кто опоздает на следующую лекцию, получат выговор* (пример адаптирован из [Moravčsik 1991]). Следует ли отсюда, что у слова *все* надо выделить два разных значения? Нет — и потому, что интуитивно семантика *все* в обоих примерах одна и та же, и потому, что такая же ложная двузначность будет наблюдаться при переводе этих предложений на другие языки.

Чтобы справиться с трудностью, нам достаточно вспомнить постулат информативности и принять предельно простое, идущее из логики универсальное толкование:

Все X-ы P = 'нет X-а, который не P'⁴.

Если мы сказали *Все кентавры отважны* = 'нет кентавра, который не отважен' и оказалось, что кентавры не существуют, то сказанное останется правдой, но не будет представлять никакой когнитивной ценности, ибо так же верно будет и то, что 'нет кентавра, который *не* не отважен' = 'нет кентавра, который отважен'. Поскольку же адресат склонен ожидать от говорящего *информативных* высказываний, постольку он будет предполагать, что кентавры все-таки *существуют*.

В примере *Все, кто опоздает на следующую лекцию, получат выговор* картина совершенно иная. Это предложение можно перефразировать как 'если кто-то опоздает на лекцию, то получит выговор'. Здесь независимо от того, найдутся ли опоздавшие, сообщается далеко не тривиальная информация о реальном мире — сообщается, что в реальном мире будет действовать установленная говорящим причинно-следственная закономерность, а закономерность, разумеется, имеет место *независимо* от своих отдельных инстанций (можно о ней сказать и в прошедшем времени, ср. *Мне неизвестно, были ли опоздавшие, но я уверен, что все опоздавшие получили выговор*).

Другие убеждающие в продуктивности описываемого подхода примеры можно найти в западной литературе по прагматике, назовем хотя бы влиятельную книгу [Radical Pragmatics 1981].

⁴ А. Вежицкая включает квантор общности в число семантических примитивов. Это делать и нежелательно — ибо тогда вновь-таки идею о существовании соответствующих объектов придется «кинкорпорировать» в значение слова *все*, и мы вновь окажемся беспомощны перед примерами типа *Все, кто опоздает на следующую лекцию, получат выговор* — и не обязательно, так как приведенное толкование представляется вполне адекватным.

Таким образом, внимание к прагматике позволяет «держаться семантику в черном теле» (как выразился когда-то в разговоре с автором Андрей Богуславский), минимизируя число лексических сущностей, а многие черты в поведении слов объяснять универсальными закономерностями человеческой коммуникации⁵.

Эта же методология оказывается необычайно продуктивной в грамматике, где описанные проблемы еще болезненнее и насущнее.

Считается, что в общем случае грамматическая единица может иметь множество (десятки) значений. Особенно выразительным кажется пример русского творительного падежа, частными случаями которого считаются (см. особенно [Мразек 1964; Wierzbicka 1980]) творительный инструмента или средства (самый прототипический; например, *Иван убил Петра топором; Я вылечил его аспирином*), творительный субъекта в страдательном залоге (близкий к прототипу, ибо здесь субъект как правило является каузатором и в этом подобен инструменту), творительный места (*Иду полем*), два творительных времени (*Пришел темной ночью; Месяцами сидит в командировках*), творительный сравнения (*морда кирпичиком*), творительный «аспекта» (*Мешки различаются весом*), творительный транспортного средства (*Ехать поездом*) и т. д. По мнению А. Вежбицкой, все эти значения связаны в семантическую сеть по принципу семейного сходства: всякое значение имеет общий (предполагается, что достаточно нетривиальный) семантический компонент с каким-то другим, но при этом некоторые два значения семантической общности могут и не иметь.

Изъян подобного подхода в том, что совершенно не разработаны принципы, по которым смыслы могут, и принципы, по которым смыслы *не могут* объединяться в такой «кластер». Например, в связи с творительным падежом уместен вопрос, почему он никогда не обозначает *бенефицианта*. Это не может быть случайной чертой русского или — шире — славянских языков, потому что, как заметила сама А. Вежбицкая [Wierzbicka 1980: 129], в предельно далеких языках комплекс значений творительного падежа обнаруживает внушительное сходство: например, в некоторых языках Кавказа и Австралии падеж, чьим примарным значением является инструментальное, способен вместе с тем указывать на субъект в страдательном залоге, на пересекаемое пространство, на транспортное средство и т. д.

⁵ Сошлемся еще раз на А. Богуславского, соотносящего семантику с представлением об *орудии* (допустим, сохе), а прагматику — с его *использованием*, которое в принципе бесконечно разнообразнее самого этого предмета. «Область же прагматики следует трактовать программно, даже стратегически, *by default*, принимая ее в расчет везде, где при квалификации объекта возникают колебания и где ясно не гарантирован семантический статус явления» [Boguslawski 2008: 4; перевод наш. — Г. З.]. Из новых важных работ см. особенно [Borg 2004].

Добавим, что преимущества прагматически, а не семантически ориентированного описания весьма наглядны и в еще одной чрезвычайно важной области языкознания — в лингвистике текста; см. особенно [Asher, Lascarides 2003].

Объяснить этот факт в рамках «семейного сходства» пока не удалось, и даже не видно, как за дело взяться.

Намного проще совсем иная интерпретация творительного падежа, которую мы будем обосновывать в этой книге. Можно принять, что творительный падеж имеет всегда одно и то же значение, в первом приближении ‘что-то, что происходит с денотатом соответствующего существительного, каузирует те или иные события, о которых сказано в предложении’, а все видимое разнообразие его употреблений связано с контекстом и с конкретизацией этого тривиального по сути смысла.

Мы постараемся показать, что этот же способ объяснения, при котором для граммы или грамматической конструкции постулируется скупой (иногда — даже совершенно тривиальный, как будто не вносящий в предложение ничего важного) семантический инвариант, а разнообразие реально наблюдаемых фактов (то есть — разнообразие в употреблениях граммы или конструкции и разнообразие в ограничениях на их употребление) мотивируется его взаимодействием с общими прагматическими правилами, — такой способ объяснения исключительно плодотворен и в других областях грамматики⁶.

Мы постараемся показать, насколько полезно следовать рекомендации, которую дает С. Левинсон, рассматривая вопрос о кореферентности местоимений, и которую можно обобщить на всю грамматику в целом: «...встрой в синтаксис столько структуры (то есть — жестких правил, в том числе семантических. — Г. З.), сколько необходимо, чтобы при его взаимодействии с независимо обоснованными прагматическими механизмами объяснение фактов обладало двумя... чертами: было чрезвычайно экономным и предсказывало отменимость именно там, где она есть» ([Levinson 2000: 298]; перевод наш. — Г. З.).

Иными словами, прагматически ориентированное описание в грамматике не только обещает быть более элегантным, чем иные описания, но необходимость *сопрячь* семантику и прагматику (сопрячь, повторим, именно так, чтобы вытекающие предсказания соответствовали наблюдаемым фактам) благоприятным образом сужает пространство исследовательских возможностей и тем самым дает нам в руки надежный критерий истины — критерий, который недоступен собственно семантическим интерпретациям грамматики⁷.

⁶ Заметим, что объяснения такого типа уже предлагаются в западной прагматике. Например, в работе [Farkas, de Swart 2010] убедительно обоснована интерпретация грамматического числа, при которой единственное число немаркированно и «ничего не значит», а множественное значит «много или один» — так что семантика числа оказывается исчезающе бедной и служит только «пусковым механизмом» для прагматического вывода — которому как раз и обязана своим существованием фактически наблюдаемая тенденция к связыванию единственного числа с единичностью, а множественного с множественностью.

⁷ Ср. [Levinson 2000: 261 ff.; особенно 266]. Нелишне напомнить, что и в диахроническом плане грамматика вырастает из прагматики, а синхроническое и диахронное описание грамматики все убедительнее смыкаются. См. особенно [Ariel 2008] с дальнейшей литературой.

Напоследок мы хотим вернуться к вопросу, какие же именно правила прагматики будут для нас важны, и добавить, что в поле наших интересов окажется не только прагматика грайсовского типа, но и теория релевантности.

Последняя себя П. Грайсу противопоставляет, утверждая, что все его постулаты в конечном счете выводимы из одного общего закона коммуникации — принципа релевантности. Согласно этому принципу, осмысляя высказывание, *мы стремимся получить как можно больше полезной информации как можно меньшей ценой* [Sperber, Wilson 1995].

Не входя в дискуссию о том, как вообще соотносятся грайсовская прагматика и теория релевантности (хотя есть причины думать, что эти две теории различаются больше терминологией, а не сутью; см., например, [Blutner 2007b]), скажем только, что в теории релевантности сделаны важные для нас выводы, которые ни идеям П. Грайса, ни идеям таких его последователей, как С. Левинсон, нисколько не противоречат, а просто более наглядно эксплицируют собственный потенциал грайсовской теории.

Эти выводы касаются ключевого для всей лингвистики вопроса: как выбирается нужная (соответствующая замыслу говорящего) интерпретация высказывания, если высказывание допускает *множество* интерпретаций?⁸

В интересующей нас части ответ следующий.

Во-первых, если для своего получения разные интерпретации требуют *одинаковых усилий*, то есть они равнодоступны, то в качестве релевантной выбирается *более информативная*, такая, которая в большей степени обогащает когнитивную среду адресата. Разумеется, этот принцип хорошо согласуется с грайсовским постулатом информативности; об этом же, по сути, пишет и «постграйсовец» С. Левинсон, см. особенно [Levinson 2000: 273 ff.].

Во-вторых, если разные интерпретации требуют для своего получения *неодинаковых* усилий, то выбирается *самая простая* (при условии, конечно, что она достаточно релевантна, обогащает адресата какой-то полезной в данном контексте информацией)⁹.

Простота зависит (а) от числа *логических шагов*, которые необходимы, чтобы получить нужное прочтение, и (б) от того, насколько широкий *контекст* должен

Заметим, что исключительно важная книга М. Ариэль больше сосредоточена на том, как грамматика когнитивно *мотивирована* прагматикой, а мы — на том, как грамматическое значение (чем бы оно ни было мотивировано) оказывается *генератором новых смыслов*, которые вместе и создают то многообразие, которое делает столь трудным предприятием унитарную трактовку многих грамматических явлений.

⁸ Согласно теории релевантности, *любое* высказывание имеет множество, притом скорее всего бесконечное множество, потенциальных осмыслений. Если на вопрос, *помогу ли я жене*, я отвечаю, что *дважды три шесть*, это будет вполне прозрачным отказом. Впрочем, данная тема лежит достаточно далеко от наших основных интересов.

⁹ Между прочим, совершенно иными путями к тем же выводам приходит и когнитивная лингвистика, ср. хотя бы [Hudson 2001].